

Вера Лаврина

ПЯТЬ СЕСТЁР

Вы знаете, о чём болтали в пятницу 29 числа все торговки на базаре? Нет? А вот послушайте:

– Пять близнецов?! – изумлялась торговка зеленью.

– Да, и все девочки, – кивала головой торговка горячими булочками, – пять крошечных сестричек, подумать только! Даже наша столетняя Эмма такого не припомнит.

– Эта новость долетела, представьте, до царского дворца, – вступила в разговор молочница.

– Откуда ты знаешь?

– Сегодня утром к белокаменному резному домику, где живут Анна и Захарий, и где у них родились близняшки, подъехала царская карета, и из неё вынесли... – молочница со значение оглядела своих товаров, сгоравших от любопытства, – большой свёрток.

– О! Большой свёрток?

– Да!

– И что в нём было?

– Что там могло быть?! – галдели нетерпеливые торговки.

– А вот что: пять крошечных пуховых перинок, одеял и подушечек, а к ним белоснежные простынки с царскими вензелями, – торжественно произнесла молочница.

– Откуда ты всё знаешь? – с досадой спросила торговка горячими булочками.

– Как откуда? Я каждое утро ношу молоко в дом Захария и Анны.

– Ах, наша Анна! – воскликнула торговка зеленью. – Есть ли в городе кто-нибудь добрее её. В прошлую субботу я подвернула ногу возле её дома. Так она выбежала ко мне сама, хотя ей было очень нелегко накануне родов, помогла мне встать, велела служанке отвести меня к доктору, и дала денег на лекарство.

– Душа её прекрасна, как цветок, – закивала головой торговка горячими булочками.

– Наверное, поэтому Анна так любит цветы, – вступила в разговор цветочница Пелагея, – Весь наш город засадила цветами.

Эта была чистая правда. Анна со своими слугами сажала цветы по всему городу: в скверах, на площадях и улицах, просто потому, что она любила цветы, свой город и горожан. Бывало, целый день хлопочет она с помощницами где-нибудь на площади Трёх соборов: землю удобряет, рассаду высаживает, а через недели три-четыре распускаются прекрасные азалии, глоксинии и крокусы.

– Недаром со всей округи съезжаются в наш город полюбоваться на цветники Анны, – с гордостью сказала торговка зеленью, – Ещё бы! Эти

клумбы с пышными гортензиями, благоухающими алыми розами, стройными флоксами и нежными анютиными глазками.

– Ходят слухи, – Пелагея склонилась к своим товаркам и зашептала, – что Анна обладает тайной силой. Вы подумайте: нет ни одного семечка, посаженного Анной, которое бы не взошло и не распустилось пышным цветом! А как быстро растут у неё цветы? Вы заметили? У других только-только вылезут из земли росточки петунии – а у неё уже вся клумба благоухает.

– Видно, цветы чувствуют того, кто их любит, – ласково сказала Пелагея.

– А вы бы видели её дом и сад! – воскликнула молочница. – Всё в цветах – ступить негде.

Да, сад Анны с весны до осени благоухал. Только отцветали нарциссы и тюльпаны, как тут же вспыхивали пионы, за ними лилии, люпины, потом гвоздики, и мальвы. До глубокой осени, как фонарики, в саду Анны горели необыкновенные алые георгины и сияли белые хризантемы.

– И знаете, что придумали цветочницы!?! – с жаром принялась рассказывать Пелагея. – Сегодня утром каждая принесла роженице, нашей Аннушке, по корзине цветов.

– Да-да, уж я-то видела, что творится в их доме, – покачала головой молочница, – цветы стоят даже в чайниках и чайных чашках. Мне некуда было налить молоко. Пришлось оставить там свой бидон.

– А Захарий прямо перед домом приказал накрыть длинные столы и угощать всех, кто только пожелает. Я отнесла туда утром три корзины горячих булочек, – сказала торговка булочками.

– Счастливый у них сегодня денёк, – улыбнулась торговка зеленью.

И правда, не было, наверное, на свете никого счастливее Анны и Захария в день, когда у них родилось пять дочерей-близнецов.

Но горе часто норовит наведаться в дом к тому, кто счастлив. Так уж бывает. Вот и замаячило оно вскоре у нарядного белокаменного домика Анны и Захарии. Отправился как-то Захарий на охоту. В глухом лесу пришлось ему вступить в схватку с двумя медведями. Силён Захарий, но медведи одолели охотника. Когда слуги привезли его домой бездыханным, бедная Анна не помнила себя от горя. Она оставляла своих пятерых малюток, уходила в лес искать Захарию. Ей казалось, что там он бродит живой и невредимый. И только верная служанка Анны, Елизавета, вернула свою госпожу к жизни. Она повсюду следовала за ней, подносила госпоже её плачущих малюток и просила позаботиться о них. Мудрая Елизавета знала, что только любовь к дочерям поможет Анне. И правда, со временем Анна все дни стала проводить со своими дочерьми, и смертельная сердечная рана начала заживать.

Девочки были похожи друг на друга как пять капель воды или пять лепестков лютика, так что даже мать не могла отличить их друг от друга. Хотя они появились на свет в один день, та, которая родилась первой,

считалась старшей, вторая, третья и четвёртая – средними, а последняя – младшей. Сёстры росли ласковыми, добрыми и послушными, кроме...

Тут придётся сказать о том, что всегда огорчало Анну. Увы, её младшая дочь. Она, конечно, была внешне похожа на своих четырёх сестёр, как одно зёрнышко мака на другое, но отличалась от них своим нравом. Как бы это сказать... Была она непослушной и строптивой. В играх часто обижала сестёр, дёргала их за косички, щипала, отбирала игрушки, прятала их любимые куклы. Вы скажете, чего не бывает в детских играх, стоит ли на это обращать внимание. Так думала и Анна, пока с младшей дочерью не стали происходить совсем неприятные истории.

Каждый год 29 мая в доме у Анны устраивался большой праздник – день рождения пяти малышей! С раннего утра все хлопотали на кухне, готовили угощение и сладости для гостей.

В один из таких дней Елизавета украшала в столовой огромный торт. В комнату забежала младшая дочь Анны.

– Это мне торт? – спросила она.

– Это для всех, крошка, – ответила Елизавета, – ведь у тебя еще четыре сестры и много гостей в зале.

– Нет! Это мне, только для меня торт, – разрыдалась малышка.

– Ну ладно, это для тебя торт, а ты его подаришь всем, хорошо? – решила успокоит малышку Елизавета.

– Да! Только я сама его внесу в зал, – согласилась младшая дочь.

Но получилось так, что, когда она после игр вбежала в зал, дети уже сидели за столом и угощались кусочками торта. Самолюбивая девочка побледнела от негодования.

– Это мой торт! Как вы смели притронуться к нему!? Я вас всех брошу в море! Отдам собакам, они съедят вас! Выгоню вас! – девочка расходилась не на шутку.

Дети притихли. Тут вошла Анна.

– Что случилось? Кто здесь ругает моих милых детей? – спросила она.

– Матушка, они не помолились перед едой, – скромно потупив взор, произнесла младшая дочь.

Дети, развеселившись и разыгравшись, действительно не помолились перед едой.

Анна стала журить нетерпеливых сладкоежек, а младшая дочь – начала усердно молиться, и, как ни в чем не бывало, уселась с ними за стол.

Елизавета была поражена этим поступком и решила рассказать обо всем Анне. Конечно, Анна очень расстроилась и долго беседовала с младшей дочерью в своем кабинете. Когда та вышла из кабинета, она презрительно посмотрела на Елизавету и сказала:

–А я скажу матушке, что ты, когда печёшь пирожки, берёшь их со сковороды грязными руками.

Вечером Елизавета нашла на полу своей комнаты разрезанный на мелкие кусочки любимый платок, который ей подарила Анна. Она поняла, кто это сделал, но не сказала никому не слова.

Однажды младшая дочь, ни у кого не спросив разрешения, ушла из дома и отправилась гулять по городу. Она шла по улицам, забрела на рыночную площадь и заглянула в лавку сладостей. Чего в ней только не было!

Шоколадные человечки, прозрачные цветные леденцы, цукаты, засахаренные орешки. У всякого сладкоежки слюнки потекут. Девочке тоже захотелось сладостей, да побольше, но денег у неё не было. Анна хоть и любила без памяти своих крошек, но не считала нужным баловать их всякими излишествами. И вот что придумала маленькая плутовка. Она назвалась именем старшей сестры и сказала торговцу сладостями:

– Матушка послала меня за леденцами и сладкими орешками. Она пришлёт вам деньги завтра.

Всякий был рад исполнить просьбу всеми любимой в городе Анны. Торговец дал младшей дочери леденцы и орешки.

– О деньгах пусть мама не беспокоится, отдаст, когда сможет, – сказал на прощание торговец.

Хитрая обманщица набила рот и карманы сладостями и довольная пошла домой.

В следующий раз она отправилась в булочную. Там на полках красовались фигурные пряники, слоёные булочки, воздушные торты. Младшая дочь Анны назвалась теперь именем второй сестры:

– Матушка послала меня за пряниками и слоёными пирожными, – сказала она булочнику, – а деньги она пришлёт вам завтра.

– Пусть твоя матушка не беспокоится о деньгах, отдаст, когда сможет, – ответил добрый булочник, укладывая в коробку пряники и пирожные. – Кому–кому, а уж твоей матушке я готов услужить.

Плутовка наелась пирожных и пряников и довольная вернулась домой.

В третий раз она пошла в лавку игрушек, назвалась именем третьей сестры и сказала:

– Мы с сёстрами завтра идём на день рождения к подружке, матушка попросила меня купить подарки, а деньги она вам завтра пришлёт.

Продавец положил в корзину самые красивые игрушки, украсил корзину лентами и цветами и вручил её девочке:

– Какая взрослая, самостоятельная девочка, – похвалил её продавец, – буду рад, если этот подарок понравится твоей матушке.

– Очень понравится, – заверила продавца маленькая обманщица и убежала домой.

Так она стала ходить по лавкам и магазинам, называться именами своих четырёх сестёр и брать, якобы по просьбе матушки, всё, что ей нравилось: шляпки, ленты, брошки, конфеты, пирожные, пяльца, оловянных солдатиков, баночки с ароматными мазями. Она никогда не заходила в одну и ту же лавку второй раз, а так как в городе их было много, негодница всякий раз обводила вокруг пальца какого-нибудь нового торговца. Все свои покупки и обновы она прятала в дальнем уголке сада или в амбарчике, неподалёку от дома.

Вы понимаете, конечно, что рано или поздно этому должен был прийти конец. Так и случилось.

Елизавета следила за тем, чтобы девочки всегда ходили в чистых платьицах и башмачках. Она стала замечать, что некоторые платьица, отданные в стирку, были перепачканы шоколадом, взбитыми сливками, кремом в те дни, когда к столу ничего сладкого не подавали. На юбочках красовались пятна от варенья и сахарного сиропа, когда на десерт подавали оладьи со сметаной. Сёстры ходили в одинаковой одежде. Чьё же платье было перепачкано кремом и шоколадом? Елизавета недоумевала. Она даже ходила на кухню и спрашивала, не готовит ли что-нибудь сладкое главный повар или поварята по просьбе одной из дочерей Анны.

– Нет, – ответили повар и поварята, – мы выполняем только указания нашей госпожи Анны.

Тогда Елизавета решила сказать обо всём Анне. Её это тоже озадачило.

Анна отправила Елизавету в город узнать, не брали ли её девочки что-нибудь в долг у торговцев сладостями.

Так и было. Во многих лавках торговцы говорили Елизавете, что приходили дочери Анны и брали в долг сладости. Они называли имена четырёх девочек, которые приходили в лавки. Среди них не было только имени младшей дочери.

– Это не очень-то славно, – с горечью сказала Анна, – мои дочери ходят по кондитерским лавкам и без моего разрешения набивают себе карманы сладостями.

– Лавочники утверждают, что девочки ссылались на твою просьбу, – сказала Елизавета.

– Да ещё и врут! – в слезах воскликнула Анна. – Проверь и другие лавки, – попросила она Елизавету.

Елизавета обошла всех торговцев и принесла Анне очень неутешительные новости: во многих городских лавочках за Анной числился долг, который оставили её дочери.

Анна не знала, что и думать. Она расплатилась за все своевольные покупки дочерей, попросила прощения у доверчивых торговцев за задержку долга.

Потом она позвала пятерых дочерей к себе и спросила:

– Кто из вас брал у торговцев сладости, игрушки и всё другое в долг, ссылаясь на мою просьбу?

– Не я, – сказала старшая.

– Не я, – сказала вторая дочь.

– Не я, – повторила третья дочь.

– Не я, – ответила четвёртая дочь.

– Не я, – сказала и пятая младшая.

– Но я знаю, что это сделала одна из вас, – настаивала Анна.

Четыре дочери стали плакать и уверять матушку, что они никогда этого не делали. И только младшая была спокойной и довольной.

– Матушка, разве торговцы не помнят, кто это? – услужливо спросила она Анну.

– Ты ведь знаешь, что вы похожи друг на друга, как две капли воды.

– А разве они не называли имена? – спросила плутовка.

– Называли.

– Какие?

– Они назвали все имена, кроме твоего, – ответила Анна, глядя в глаза дочери.

– Вот видите, – это не я! – весело крикнула младшая дочь.

Четыре дочери безутешно плакали. А младшая уговаривала их во всём сознаться, и тогда матушка их простит.

– Правда, матушка? – спросила она у Анны.

Анне стало ясно, что это сделала именно младшая дочь.

«Как? – изумлялась Анна, глядя на неё. – Ей несколько не стыдно, в глазах нет ни тени раскаяния. Ей совсем не жаль своих плачущих сестёр. Она уверена, что никто не раскроет её обман?!»

Анна отправила дочерей в детские комнаты. В горьких раздумьях она провела всю ночь.

А утром матушка пошла в сад и сорвала там пять цветков: лилию, розу, мальву, фиалку и ромашку. Потом она позвала своих дочерей и попросила их:

– Пусть каждая из вас выберет себе цветок по сердцу.

Первой стала выбирать старшая. Она выбрала белую лилию. Матушка приколола лилию к её платью и сказала:

– Теперь имя тебе будет Лилия. Никогда не снимай этот цветок со своих платьев. По нему я и все другие будем узнавать тебя. Вторая дочь выбрала розу. Анна приколола розу к её платью и нарекла девочку Розой:

– Теперь, – сказала она, – я всегда отличу тебя по этому цветку от остальных сестёр.

Третья дочь выбрала мальву.

– Отныне, – сказала Анна, – ты будешь именоваться Мальвой, и тебя будут узнавать по цветку мальвы на платье.

Четвёртая дочь выбрала фиалку. Матушка приколола фиалку к её платью:

– Ты выбрала себе чудесное имя – Фиалка. А для тебя, – обратилась мать к младшей дочери, – остался мой самый любимый цветок – ромашка.

– Ромашка! Фи, какой противный цветок! – злобно воскликнула младшая дочь. – Носить ромашку, да ещё и называться ромашкой. Нет ничего смешнее! Ха-ха-ха! Уж лучше носить колючку!

Она выскочила за ограду сада, сорвала на обочине дороги колючку и приколола к своему платью. В тот же миг острый шип колючки проткнул нежную кожу на груди и вошёл в самое сердце. Её пронзила сильная боль, но она не показала виду – упрямец не хотела чувствовать себя наказанной за непослушание. Девчонка вернулась к матери и сёстрам с колючкой на платье.

– Ваши цветы скоро увянут, – насмешливо сказала она, – а моя колючка – никогда.

Матушка стала уговаривать младшую дочь снять колючку.

– Мы пойдём с тобой в сад, ты выберешь себе цветок, который тебе понравится, и я приколю его к твоему платью.

– Нет уж, – сестрицы оставили мне самый плохой цветок, – упрямылась младшая дочь, – я теперь никакой не возьму, буду носить колючку. Моя колючка никогда не увянет.

Но всё оказалось не так, как говорила младшая дочь. Да, её колючка, действительно, не увяла, потому что была сухой безжизненной колючкой. Но и сорванные рукой Анны и приколотые к платью дочерей цветы стали чудесными. Они не увядали, благоухая день за днём и сияя свежестью так, будто только что срезаны с клумбы. Какой бы наряд не надевали дочери Анны, они всегда прикалывали к нему неувядающие матушкины цветы.

И вот что ещё было удивительно: каждый цветок Анны одаривал дочерей своей особенной прелестью. Лилия росла чистой и беспорочной, Роза – обворожительной и чарующей, Мальва была прямая и бесхитростная, Фиалка – нежная и скромная. И хотя дочери были по-прежнему неотличимы, Анна теперь легко узнавала их не только по цветам на платьях, но и по взглядам: чистому – у Лилии, чарующему – у Розы, бесхитростному – у Мальвы и нежному – у Фиалки.

Ну, а у младшей дочери всегда на груди красовалась колючка. Как ни уговаривали её Анна и сёстры снять колючку, упрямыца ни за что не соглашалась. К ней так и прилипло имя – Колючка.

Добрая Анна сильно скорбела о своей младшей дочери. Она замечала со страхом, что сухая острая колючка, которую дочь не снимала со своего платья, делала её характер год от года всё более скверным и несносным, а взгляд – холодным, колючим и жёстким. Причиной тому была ещё и заноза, которая вошла в сердце дочери, когда она первый раз приколола колючку к своему платью. Эта заноза изъязвила сердце, лишило его доброты и сострадания.

Колючка превратилась в настоящую злюку. Она нашла себе служанку, такую же скверную и злобную, как она сама. Эту служанку в городе прозвали Репейница, лучше прозвища для неё нельзя было придумать. Репейница каждого задевала грубым словом, ко всякому встречному цеплялась с какой-нибудь насмешкой.

Когда Колючка и Репейница выходили в город, все старались обходить их стороной. Они вместе высмеивали каждого встречного.

– Посмотри только на эту толстуху, – усмехалась Колючка, видя молочницу Федосью с соседней улицы.

– Корова позавидовала бы ей, – подхватывала Репейница.

– А это что за утка ковыляет? – громко смеялась Колючка над старой немощной бабушкой Евдокией.

– Того и гляди – закрикает, – подхихикивала Репейница.

Ни одному нищему она не подала копейки, ни одному ребёнку не улыбнулась, слова ласкового не сказала близким. Никто не мог припомнить какое-нибудь доброе дело, которое сделала бы Колючка. Нет-нет, было одно дело, которое Колючка с гордостью называла добрым. Хотите узнать?

Один раз Колючка пошла гулять в новых красных туфлях, которые сильно натёрли ей ноги. Она с трудом доковыляла домой, злобно ругая всех сапожников и торговцев обувью. Дома она надела другие туфли, а новые в ярости выбросила в окно:

– Пропадите пропадом навсегда! – крикнула она им вдогонку.

А в это время мимо их дома шла босая нищенка. И вдруг прямо к её ногам упали новенькие красные туфельки. К тому же нищенке послышалось, что Колючка крикнула: «Попадите туда!», то есть к ней.

– Попали, попали, – радостно закивала нищенка.

Новенькие туфли оказались ей впору.

– Ах, какая добрая госпожа, отдала бедной женщине совсем новые туфельки, да такие красивые, – нищенка долго кланялась Колючке и довольная зашагала прочь

– Пусть твои ступни будут в два раза длиннее моих, – фыркнула Колючка.

В доме Колючка никому не давала житья, ссорилась с сёстрами, ни во что не ставила их просьбы и укоризны, ругала слуг, и даже грубила матушке Анне. Бедная Анна потеряла покой и сон из-за своей младшей дочери. И хотя старшие дочери ничем не огорчали матушку, были послушны и добры, Анне приходилось чаще горевать о дурном характере Колючки, чем радоваться достоинствам старших дочерей. Как только матушка ни увещевала Колючку, как ни умоляла её исправиться, Колючка была бесчувственна к слезам и уговорам матери. Если бы можно было собрать все слёзы Анны, которые она пролила из-за своей младшей дочери, на Колючку пролился бы обильный горячий дождь и вымочил её до нитки.

– Ах, Елизавета, не знаю, что мне делать с моей младшей дочерью, – призналась однажды Анна своей верной служанке, – я не в силах исправить её дурной нрав. Теперь мне только и остаётся, что проливать слёзы о ней. Кажется, это такое никчёмное дело.

– Слёзы матери не падают напрасно, госпожа Анна, я это твёрдо знаю. Господь каждую слезинку считает и впрок собирает. Той матери, которая не плачет о дурном нраве своего ребёнка, потом нечем будет отмыть грязь с души его, – ответила мудрая Елизавета.

Вот такие дела творились в уютном, утопающем в цветах, белокаменном домике Анны.

К шестнадцати годам сёстры превратились в неопишуемых красавиц. Слава об их красоте и волшебных неувядаемых цветах докатилась до царского дворца. Сам царевич захотел увидеть пятерых красавиц-близнецов. Тем более, именно в день рождения пяти сестёр из царского дворца был прислан подарок, который Анна до сих пор бережно хранила.

Однажды утром к белокаменному домику Анны подъехала карета с царскими вензелями. Из неё вышел почтальон громадного роста со свитком, перевязанным золотыми тесёмками и запечатанным царскими печатями.

– Госпоже Анне! – громко крикнул почтальон.

Когда Анна развернула свиток и прочла его, то вскрикнула от радости: она и все её дочери приглашались во дворец на бал.

Ах, какие сборы начались в доме Анны! Матушка и вся прислуга сбились с ног, пока приготовили наряды для пятерых дочерей. Больше всех хлопот доставила, конечно, Колючка. Она требовала себе роскошное платье, дорогие меха, драгоценные украшения. И боялась, что сёстрам достанется что-то лучше и наряднее, чем ей. Но её опасения были напрасны. Сёстры прекрасно знали, что лучшим украшением юной девушки является скромность и доброта.

Поэтому Лилия довольствовалась простым белым платьем под цвет своего цветка, а волосы она повязала скромной атласной лентой. Розе сшили платье из нежно-розового шёлка с пояском, украшенным гранатовой пряжкой. Мальва надела светло-зелёное платье и украсила тонкие запястья нефритовыми браслетами. Фиалка выбрала голубое платье, а к нему нитку морского жемчуга. И, конечно же, платья четырёх сестёр украшали чудесные неувядающие матушкины цветы.

А Колючка, желая превзойти всех сестёр, украсила своё красное платье, кружевами, бантами, драгоценными камнями и мехом. Но даже на приём в царский дворец она не пожелала снять свою колючку, лишь только прикрыла её кружевной накидкой.

Когда пять сестёр предстали перед двором, стало ясно, что они и есть первые красавицы царства, с ними некому было сравниться. Молодой царевич Симеон был поражён их красотой. Хотя он побывал в разных заморских странах и видывал многих красавиц, но лучше п девушек близнецов не встречал. Царевич тут же решил, что возьмёт себе в жёны одну из сестёр. Но какую? Девушки были неотлично похожи друг на друга.

Тогда царевич Симеон сделал так, как всегда поступал в трудном положении: он обратился за советом к своей мудрой матушке:

– Скажи мне, дорогая матушка, как выбрать лучшую из этих пятерых красавиц?

– Не думаешь ли ты жениться на одной из них? – спросила царица мать.

– Никто не нравился мне больше, чем эти девушки. Но не могу же я жениться на пятерых сразу.

– Да, к счастью, ты не султан. И нам не надо будет тратить пуд золота на пять корон. Бедные султаны, какие у них расходы. Я им не завидую. Нам проще. Выбери из пятерых одну, самую достойную.

– Да-да! Но как?

– Пригласи каждую из них на танец и задай им один и тот же вопрос.

– Какой же? – сгорал от нетерпения царевич.

– Спроси у каждой, какая из четырёх её сестёр самая лучшая. Пусть они сами тебе скажут то, о чём ты хочешь узнать. А их ответы передай мне.

Царевич поспешил воспользоваться советом матушки. Он дал знак музыкантам, и под сводами зеркального зала грянула музыка.

Первой на танец царевич пригласил... Кого бы вы думали? Колючку. Конечно, она выделялась своим дорогим роскошным нарядом.

– Какая из ваших четырёх сестёр самая лучшая? – спросил царевич Колючку ведя её за руку под медленные звуки менуэта.

– Они одинаковы, как четыре горошины в стручке, – ответила Колючка, – Хотя одна горошина может быть больше, а другая меньше, их вкус от этого не меняется.

Когда танец закончился, царевич подошёл к матери и передал ей слова Колючки.

– Она так и сказала: «четыре горошины в стручке»? – переспросила царица–мать.

– Да.

– Она совсем не любит своих сестёр, и очень высокого мнения о себе, – царица покачала головой. – Сердце её холодно и надменно. Она не годится тебе в жёны. Что ж, у нас есть ещё четыре невесты.

На второй танец царевич пригласил Розу. Во время вальса он задал ей тот же вопрос, что и Колючке:

– Какая из ваших четырёх сестёр лучше всех?

Роза улыбнулась:

– Я отвечу вам, царевич, на ваш вопрос, если вы скажете мне, какой у вас глаз лучше, левый или правый, а худший вслед за этим прикажете немедленно... вырвать.

Когда царевич передал эти слова Розы своей матушке, она рассмеялась и сказала:

– Эта девушка очень умная, но дерзкая. Как всякая Роза, за чарующей красотой она скрывает маленькие, но острые шипы. Приглашай третью сестру, – сказала царица.

На третий танец Симеон пригласил Мальву.

– Какая из ваших четырёх сестёр самая лучшая? – спросил он Мальву, отплясывая с неё мазурку.

– Каждая из них так же хороша, как эти четыре жемчужины на вашем браслете, – ответила Мальва.

Царица выслушала ответ Мальвы и задумчиво сказала:

– Очень наблюдательная девушка. Она заметила четыре одинаковых жемчужины на твоём браслете. Не будет ли она так же тщательно подмечать мелкие недостатки у своего мужа? Не думаю, что это будет полезно.

Послушаем, что скажут оставшиеся две невесты

Теперь дошла очередь до Фиалки.

– Какая из ваших четырёх сестёр самая лучшая? – задал царевич матушкин вопрос Фиалке, пригласив её на танец. На сей раз это была задорная полька.

– Я не могу ответить вам на этот вопрос, царевич, как не могла бы сказать, какая из двух половинок сердца лучше, потому что одной без другой невозможно жить, – ответила Фиалка.

Когда царица выслушала ответ Фиалки, она сказала:

– Это очень добрая девушка, и можно было бы остановить на ней свой выбор, но у нас есть ещё одна невеста, думаю, несправедливо отвергнуть её без испытания.

Раздались нежные звуки музыки.

– Иди же, приглашай, – шепнула мать Симеону.

Царевич подошёл к Лилии и склонился в поклоне:

– Позвольте пригласить вас на танец.

Лилия протянула ему руку.

– Какая из ваших сестёр самая лучшая? – в пятый раз задал царевич матушкин вопрос теперь уже Лилии.

– Спросите у дождя, царевич, выбирает ли он, кому посылать влагу – лучшим или худшим? Так и любовь к сёстрам не может выбрать лучшую из них.

Когда царица услышала этот ответ Лилии, она воскликнула:

– Эта девушка – само совершенство! Её любовь может стать счастьем твоей жизни. Если она согласится стать твоей женой, я буду спокойна за тебя.

В тот же вечер Симеон пригласил сестёр вместе с матушкой их Анной остаться погостить во дворце. Всем стало ясно, что одна из сестёр выбрана царевичем в невесты. Осталось только узнать, кто именно. Уже на следующий же день самые внимательные придворные не сомневались, что царевич выбрал Лилию.

Вы бы и сами догадались, если бы увидели подарки, которые царевич подарил сёстрам. Четыре сестры получили в подарок чудесные шкатулочки из яшмы с золотыми узорами, а Лилии Симеон преподнёс колечко, которое было очень похоже на обручальное. К концу третьего дня уже и самым невнимательным было понятно, что Лилия – избранница царевича.

Вы, конечно, хотите спросить: а Лилия полюбила царевича Симеона? Ещё бы! Его красота и нежность пленили её с первого взгляда. Но она и думать не смела о том, что может стать его женой.

В скором времени Лилия была названа царской невестой, и Анна вместе с пятью своими дочерьми переехала во дворец.

Роза, Мальва и Фиалка от души радовались счастью Лилии. Но только не Колючка. Она страшно завидовала Лилии и злилась, что царевич Симеон выбрал в жёны не её.

– Ведь первой он пригласил на танец меня, значит, я понравилась ему больше всех. Что там наговорили ему про меня сестрицы? Негодяйки! Сплетницы! Притворщицы! – в ярости бормотала Колючка.

Она не находила себе места от зависти к Лилии. Какие только ругательства не сыпались на сестёр:

– Я отомщу им, всем вместе и каждой по отдельности, – твердила Колючка. – Они меня ещё узнают. Думают, что я могу только ругаться с прислугой и портить им настроение. Я могу испортить все ваши короткие жизни.

Тут в голове у Колючки созрел зловещий план. Она придумала, как устроить так, чтобы она стала женой царевича, а не Лилия.

Не медля, она начала осуществлять свой страшный замысел.

– А пока притворюсь-ка я хорошей, это им очень понравится, – решила Колючка.

Тем временем был назначен день свадьбы. Во дворце начались приготовления к торжеству. Портные, не покладая рук, шили наряды для царской семьи и придворных. Симеон заказал тысячи белых лилий, чтобы портные из их лепестков сшили свадебное платье для невесты.

А с Колючкой стали происходить странные перемены. Она стала грустной. Часто и надолго одна уходила из дворца, возвращалась усталая. Падала без сил на кровать в своей комнате и засыпала крепким сном. Не стало слышно её ругани, криков. Она перестала грубить матушке Анне и сёстрам. Анна и её дочери от всей души радовались этим переменам.

И вот как-то вечером сёстры решили спросить у Колючки: что случилось, почему она стала так тиха и задумчива.

– Может, тебе нужна наша помощь? – ласково спросила Фиалка.

– Дорогие сестрицы, я кое в чём хочу признаться вам, – ответила Колючка, – у меня тоже появился жених.

Сёстры очень обрадовались этой новости.

– Так вот в чём причина такой чудесной перемены в тебе! – воскликнула Роза.

– Мы рады за тебя, милая сестрица, – обняла Колючку Лилия.

Сёстры стали расспрашивать Колючку о её женихе:

– Кто он?

– Где он?

– Какой он?

– Расскажи о нём, – наперебой просили сёстры.

Вдруг Колючка разрыдалась:

– Ах, сестрицы, мой жених вовсе не царского рода. Мне стыдно признаться вам, но он простой дровосек и живёт в глухом лесу. Так что вы, наверное, и взглянуть на него погнушаетесь. Но я так полюбила его, – всхлипывала Колючка, – что всю жизнь готова прожить с ним в самой дремучей чаще. Я никому не говорила о нём, только вам открылась, и вижу, что вы уже полны презрения ко мне и моему возлюбленному.

– Что ты, сестрица! – воскликнула Мальва. – Какое нам дело до его происхождения.

– Главное, что ты полюбила его, – утешала Колючку Фиалка, – а для нас он станет братом.

– Значит, вы не будете смеяться надо мной и моим возлюбленным?

– Даже и не думай об этом, – Роза нежно поцеловала Колючку, – мы готовы оказать ему такое же почтение, как и жениху нашей старшей сестры Лилии, царевичу Симеону. Не хочешь ли показать его нам?

Колючке только это и надо было:

– Едва ли вы ради него согласитесь идти в глухую лесную чащу, – с притворной грустью сказала она.

– В лесную чащу? – спросила Фиалка. – Почему бы и нет.

– Давайте завтра же и пойдем к жениху нашей сестрицы, – предложила Лилия.

– Пойдемте, – согласилась Роза

– Конечно, пойдём, – поддержала их Мальва.

– Я с вами! – воскликнула Фиалка.

– Идти придётся долго по густому лесу. Не пожалеете ли вы об этом, когда натрёте себе мозоли и поцарапаете пальчики? – говорит Колючка.

– Ну и что? – засмеялась Лилия, – Никому ещё не помешала долгая прогулка по лесу.

Итак, пять сестёр на следующий день решили отправиться в лес к жениху Колючки.

– Давайте, сестрицы, не скажем никому, куда мы завтра отправляемся, даже нашей матушке, – попросила хитрая Колючка

Сёстры заверили Колючку, что ни одна душа не узнает об этом.

На следующий день, рано утром Лилия, Роза, Мальва, Фиалка и Колючка сели в маленький возок с царским вензелем и отправились к жениху Колючки. Они выехали за город. Маленький лёгкий возок быстро катился по широкой дороге. Сама Лилия управляла лошадьми. Колючка указала на узкую дорогу между сосен, и лошади свернули туда. Потом сёстры долго ехали по лесной дороге, пока не остановились у маленького ручейка.

– Дальше дороги нет, – сказала Колючка, – надо идти пешком.

Девушки оставили возок и пошли по узкой, едва заметной тропинке. Был чудесный летний день, лучи солнца яркими бликами пробивались сквозь густую листву, светлыми пятнами ложились на траву. Пели птицы, шелестели кроны могучих деревьев. Сёстры шли по лесу и весело болтали. Бедные девушки, они не подозревали, какую страшную ловушку приготовила для них Колючка.

– Далеко спрятался твой любимый дровосек, – шутила Роза, – но мы всё равно отыщем его.

И действительно, чем дальше уходили сёстры от ручья, тем глуше и темнее становился лес.

– Не бойтесь, сестрицы, мы не заблудимся, – успокаивала Колючка сестёр, – мой возлюбленный оставил метки на деревьях, чтобы я могла найти его избушку в лесу, смотрите. Колючка указала на пёстрые верёвочки, висящие на деревьях. Она только не сказала, что эти ленточки указывают путь к глубокой яме, которую она тайно поручила выкопать в лесу некому землекопу, и вела теперь туда своих сестёр.

Колючке надо было сделать ещё одно важное дело для исполнения своего зловещего плана – выманить у сестёр четыре неувядающих матушкиных цветка.

– Знаете, сестрицы, – сказала она, – я решила выбросить свою колючку, вот, смотрите! – она отодрала колючку от платья и бросила её в траву. –

Сегодня такой счастливый для меня день! Не могли бы вы дать мне... – Колючка замялась. – Нет, моя просьба слишком дерзкая.

– Ты можешь просить у нас всё, что хочешь, – сказала Фиалка.

Сёстры были так рады переменам, произошедшим с Колючкой, что готовы были исполнить любое её желание.

– Я так хочу обратиться целиком к доброму и не могу. Позвольте мне на сегодняшний вечер приколоть к моему платью вместо колючки ваши цветы. Я верю, что они помогут мне укрепиться на пути к добродетели. Только на один вечер.

– Конечно, сестрица, – сказала Лилия и тут же приколола свой цветок к платью Колючки, – пусть эти матушкины цветы смягчат твоё сердце. Роза приколола Розу, Мальва – мальву, а Фиалка – голубой цветочек фиалки.

– Спасибо, сестрицы, – горячо благодарила Колючка своих сестёр, – не бойтесь за них, я сразу же верну их после встречи с моим возлюбленным.

Время близилось к полудню.

– Ну вот, сестрицы, мы почти пришли. Видите вон то сухое дерево. Посмотрите, есть ли на нем ленточка, – попросила Колючка.

Четыре сестры подошли к дереву – вдруг земля под их ногами провалилась, и они упали в глубокую яму. Тьма накрыла их.

– Сестрица, помоги нам, – стали они кричать и звать на помощь Колючку.

В ответ же услышали жестокие, страшные слова Колючки:

– Не для того я целый месяц готовила эту яму, чтобы вытаскивать вас оттуда, – она злобно рассмеялась. – Неплохо я придумала про дровосека. Ха-ха-ха! Вы и вправду подумали, что я могла выбрать себе в женихи какого-то жалкого дровосека? Наивные глупышки! Мне нужен царевич Симеон! И я его получу. Отныне я – Лилия.

Колючка закрыла яму большими ветками и мхом.

– Ну, что ж, милые сестрички, мне пора во дворец, царевич заждался меня. А вы пока посидите здесь – Колючка снова расхохоталась и пошла прочь.

Это было только началом её коварного плана. Она добралась до возка, и погнала лошадей в другую сторону, в отдалённый Кукушкин лес, где возвышалась красная скала. Старая красная скала была покрыта трещинами, из которых часто к подножию сыпались камни.

Первым делом Колючка разбросала у скалы цветки Розы, Мальвы и Фиалки. Но, подумав, оставила только цветок розы, а остальные закопала в землю, подальше от скалы.

– Так будет правдоподобнее, – пробормотала она.

Цветок лилии Колючка оставила на своем платье. Но вдруг она увидела, что лилия завяла, её лепестки пожелтели и скрутились, в стружку. Колючка сорвала засохшую лилию, бросила на землю и в ярости растоптала.

– Дьявол! Теперь не так-то просто будет убедить царевича в том, что я Лилия, – злилась она, – ну, ничего, я готова на всё.

Сначала Колючка расцарапала себе лицо острыми камнями. Сжимая зубы от боли, нанесла раны на руки, измазала кровью обрывки веревок, которые заранее припрятала в скале. Потом разбросала вокруг окровавленные верёвки.

Она распрягла и отпустила лошадь, возок с царским вензелем столкнула в реку.

Возвращаясь в город, Колючка заблудилась. Весь день и всю ночь она кружила по лесу и только к утру выбралась на большую дорогу. Израненные руки кровоточили и болели. Силы оставили Колючку, и она потеряла сознание.

Тем временем во дворце поднялся страшный переполох: исчезла невеста царевича Лилия, а вместе с нею и четыре её сестры. Никто, даже матушка Анна, не знали, куда подевались девушки. Когда стали расспрашивать слуг, они рассказали, что рано утром пять сестёр тайно куда-то уехали, не сказав никому ни слова. К вечеру во дворец вернулась лошадь без возка и без сестер.

Царевич Симеон просто потерял голову. Он объявил тревогу и разослал во все концы царства воинов на поиски Лилии и её сестёр. Один из отрядов и нашёл израненную окровавленную Колючку на обочине дороги, ведущей в город.

Её привезли во дворец. Никто не мог узнать, какая же из сестёр нашлась. На её платье не было никакого цветка. Было ясно, что с дочерьми Анны случилось что-то страшное.

Лучшие доктора день и ночь хлопотали возле неё. Царевич и матушка Анна не отходили от постели Колючки. Наконец Колючка открыла глаза и произнесла слабым голосом:

– Где мой Симеон?

– Так ты Лилия! – радостно воскликнул царевич, – Что случилось с тобой, милая моя Лилия? Где твои сёстры?

– Не спрашивайте меня, лучше вам не знать этой ужасной истории.

– Но тебе надо рассказать обо всём, чтобы мы смогли найти твоих сестёр, – уговаривал Колючку Симеон. Он, без всяких сомнений принял её за Лилию.

– Моих сестёр? Они скоро сами появятся во дворце во главе с Колючкой, которая скажет, что она и есть Лилия, твоя невеста.

– Колючка скажет, что она моя невеста Лилия? Я ничего не понимаю, – недоумевал царевич, – Расскажи нам обо всём, что случилось с тобой. И Колючка, выдавая себя за Лилию, рассказала им ужасную историю, в которой ловко смешала с правдой ложь, очернила и оклеветала своих сестёр.

Послушаем, что рассказала Колючка, выдавая себя за Лилию.

– У них был ужасный план. Они повезли меня в Кукушкин лес, как будто к жениху Колючки и там привязали верёвками к скале. Я чуть не лишилась чувств от их предательства. Я умоляла сказать, почему они так поступают со мной. И Колючка ответила мне, что надо лучше заботиться о сёстрах, а не только о себе, что заботливая сестра давно бы нашла им

хороших женихов. Вы знаете Колючку, она способна на многое. Но как она могла склонить остальных к такому злодейству, я не могу понять.

Колючка продолжала плести свою гнусную ложь:

– Сёстры были так уверены в моей гибели, что даже не скрывали от меня своих планов. Они договорились, что Колючка назовётся Лилией, и через несколько дней все четверо вернутся во дворец и расскажут ужасную историю про то, как Колючка засадила их в яму в лесу, а сама решила стать Лилией. Потом Колючка сняла матушкины цветы с платьев своих сестёр, сорвала с меня лилию и сказала: «Теперь никто не сможет понять, где Колючка, а где Лилия».

Сёстры оставили меня привязанной к скале и ушли.

– А как же ты? Что случилось дальше, дорогая Лилия? – взволнованно спросил царевич.

Колючка снова всхлипнула для убедительности и продолжила:

– Ночью скала остыла, и начался камнепад. Огромные камни с гудением пролетали мимо меня. Я чудом осталась жива, но несколько камней ударили мне по рукам. Это было и несчастьем и счастьем для меня. Камни перебили верёвки, которыми я была привязана к скале. Я оказалась свободна, но руки мои были изранены, очень болели и кровоточили. Долго я блуждала по лесу, потом вышла на какую-то дорогу и дальше ничего не помню, очнулась во дворце, – закончила Колючка свой рассказ.

Матушка Анна, Елизавета, царица и Симеон молча сидели, как громом поражённые.

– Бедная моя Лилия – царевич осторожно погладил и поцеловал перебинтованные руки. – Я больше никуда не отпущу тебя. – Царевич взглянул в глаза Колючки. Её глаза были полны страданий. Разбитые руки, действительно, причиняли сильную боль, и царевич Симеон не заметил подмены, он не увидел жёсткого и холодного взгляда Колючки.

– Значит, твои сёстры должны появиться во дворце? – спросила царица. – И та, которая назовётся Лилией, будет на самом деле Колючкой?

– Да, – продолжала лгать Колючка. – Они надеются, что я погибла в лесу. Когда они увидят меня здесь живой, то, наверное, будут говорить, что я и есть Колючка, скажут, что я заманила их в ловушку. А что ещё им останется делать? – Только дьявол мог придумать такое, – воскликнул царевич Симеон. – Колючка назовётся Лилией, моей невестой, и будет утверждать, что ты и есть Колючка. Где сейчас твои сёстры?

– Я не знаю. Они говорили, что выждут несколько дней в тайном месте, потом появятся во дворце и скажут, что неделю сидели в глубокой яме, в которую их заманила Колючка. Прошу тебя, не наказывай их строго, – с притворной жалостью сказала Колючка.

– Они совершили страшное злодеяние, – гневался царевич, они решились обречь тебя на смерть, отнять у меня самое дорогое сокровище, мою невесту Лилию. Их надо немедленно найти, раньше, чем они сами появятся здесь, и призвать к ответу.

Симеон вызвал своих генералов и отдал приказ: отыскать четырёх сестёр, где бы они не были, и доставить их во дворец.

Несчастливая Анна сидела в покоях Лилии, где теперь на постели лежала Колючка, окружённая докторами. На Анну все даже боялись взглянуть. Она онемела от горя. Мать близнецов не произнесла ни слова, ни о чём не спросила свою дочь, которая выдавала себя за Лилию. Она только, не переставая, плакала.

Сказать по правде, больше всего Колючка боялась, что именно мать узнает её и раскроет обман. Ведь только Анна безошибочно различала своих дочерей по взгляду. Лишь все пожелали спокойной ночи «Лилии»-Колючке и оставили её, она поспешила в покои матушки.

Анна тем временем попросила Елизавету принести цветок лилии из сада.– Ты, наверное, не веришь, что я Лилия? – спросила Колючка матушку, войдя в её покои.

– Я верю. Я даже приготовила для тебя цветок лилии, чтобы приколоть его к твоему платью, как и подобает моей старшей дочери.

Матушка подошла к Колючке и приколотла на грудь лилию. Но цветок лилии тут же увял, скрутился и пожелтел.

Анна не произнесла ни слова. Из глаз её тихо текли слезы.

Колючка злобно смяла засохший цветок:

– Да, я Колючка! Но если ты скажешь кому-нибудь об этом, то больше не увидишь своих дочерей.

Такой удар Анна была не в силах перенести. Она не могла держаться на ногах. Подроспевшая Елизавета уложила свою госпожу на постель.

Колючка вышла вон и поспешила в покои Лилии.

Царицу, мать Симеона, между тем, одолевали сомнения. Она позвала своего сына и спросила:

– Скажи мне, сынок, может ли белое в один миг стать чёрным? Может ли птица заблестеть, а соловей закукарекать?

– Думаю, нет, матушка, не может птица заблестеть, а соловей закукарекать, – ответил Симеон, – Но к чему вы это говорите?

– Могут ли добронравные сёстры Лилии поддаться уговорам Колючки и обречь Лилию на смерть.

– Ах, матушка, вы же знаете, что человек зол и завистлив. Зависть и не таких добродетельных доводила до греха.

– Не заметил ли ты перемены в царевне Лилии. Не изменилась ли она? – Снова спросила царица мать.

– Конечно, изменилась. Ещё бы! Ты сама видела её. Мою невесту предали любимые сёстры. От этого можно потерять голову, сойти с ума и лишиться памяти.

– Да-да, я понимаю, но будь внимателен. Что-то не даёт мне покоя.

– Вот отыщем Колючку и её сестёр, и всё станет ясно. А сейчас, матушка, когда я вновь обрёл мою возлюбленную, не омрачай моё счастье своими сомнениями. К тому же, матушка Анна, она одна может различать

своих дочерей, она ведь признала Лилию, – горячо убеждал царевич Симеон свою мать.

«Ах, безоглядная молодость, которая никогда не прислушивается к голосу сомнений и разума, – подумала царица мать. – Но вот с матушкой Анной мне стоит поговорить».

На следующий день утром царица поспешила в покои Анны. Её встретила взволнованная Елизавета.

– Анна вчера вечером слегла в постель. Она едва дышит. И доктора говорят, что нет никакой надежды на выздоровление.

– Какое несчастье! – воскликнула царица. – Наша бедная Анна! Немедленно пришлите сюда моего личного доктора.

Царица склонилась над Анной и тихо спросила:

– Анна, ты узнала свою дочь Лилию?

После долгого, долгого молчания, когда царица уже потеряла всякую надежду услышать ответ, Анна, в страхе за своих дочерей, едва слышно произнесла:

– Да...

Это были последние слова матушки Анны. Её сердце не выдержало горя, и она умерла.

Дворец погрузился в траур. Колючка могла быть спокойной, теперь никто не смел обличить её в обмане.

А как же добрые сёстры Колючки? Они изнемогали в глубокой яме от неведения, страха, голода и жажды. Они кричали и звали на помощь, но яма была такая глубокая, а чаща такая глухая, что никто не слышал их криков о помощи. По ночам раздавалось жуткое уханье филина. Иногда над ямой светились два его жёлтых глаза. Ревели медведи, рыкали вепри, выли волки.

Не было на целом свете никого несчастнее девушек. Родная сестра жестоко обманула их и обрекла на медленную смерть в глубокой яме. Сёстры, как могли, утешали друг друга. Час тянулся за часом. Свет в яму не проникал, и они потеряли счёт времени.

Никто из них не мог сказать, сколько дней они провели в яме, прежде чем услышали глухой голос, доносящийся сверху:

– Поднимайтесь.

К ногам девушек упал конец верёвочной лестницы.

– Неужели мы спасены? – воскликнули девушки.

Сёстры одна за другой выбрались из ямы. Были глубокие сумерки. В полутьме они увидели худого согнутого старика с длинной белой бородой. Лицо его было закрыто капюшоном.

– Идите за мной, я выведу вас из леса, – негромко произнёс он.

– Кто ты, как ты нас нашёл, дедушка, – стала спрашивать его Роза.

Но старик молча шёл вперёд и не отвечал на вопросы сестёр. Когда чаща стала редеть, и сёстры, наконец, вышли на дорогу, старик выпрямился, зашагал быстрее и растворился в темноте, как будто его и не было.

Сёстры долго шли по дороге. Настала тьма, они совсем выбились из сил, прилегли на обочину и уснули.

Утром они проснулись от грубых криков и ругательств. Отряд воинов, посланный на поиски сестёр, которых теперь, после рассказов Колючки все считали злодейками, нашёл их спящими на обочине дороги.

– Вот они где, негодяйки! Торопятся во дворец во главе с самозванкой.

– Как вы смеете обращаться так с невестой царевича! – вскричала Мальва, закрывая Лилию от воинов.

Воины расхохотались и принялись осыпать несчастных сестёр ругательствами и издеваться над ними:

– Царевна Лилия! – вопили они, – А где же её лилия? Её чудесный цветок? Что-то мы не видим.

Один воин собрал с земли колючки и стал бросать их на платье и волосы Лилии.

– Слава тебе, царевна Колючка! – хохотали воины, обсыпая девушку колючками.

– Значит, Колючка уже объявила себя невестой Симеона – простонала Лилия, – а мне теперь суждено быть Колючкой.

– Утешься, сестрица, – сказала Фиалка, – мы расскажем царевичу истинную правду, всё в один миг образуется.

Но Лилией овладели самые тяжкие предчувствия.

Сестёр сковали цепями, усадили на большую скрипучую телегу и повезли в город. Когда их везли по улицам родного города, из всех дверей высыпали горожане. Они злобно кричали:

– Изменницы! Предательницы! Злодейки! Они посягнули на жизнь нашей любимой Лилии, царской невесты. Казнить! Их надо казнить!

В сестёр швыряли камнями и комьями земли.

– Боже милосердный, – шептала Лилия, – за что нас так возненавидели, что наговорила про нас Колючка. Мы превратились в злодеек и убийц!

Четырёх сестёр, скованных цепями, привезли во дворец, Стража привела их в тронный зал. И что же?

На тронном месте они увидели царицу, Симеона и довольную Колючку. Она была одета в роскошное белоснежное платье, отороченное песцовым мехом, на груди красовалась искусно сделанная из шёлка лилия, которую Колючка выдавала за настоящую. Руки её были перебинтованы. Рядом с царской семьёй, слева и справа за длинными столами сидели судьи в пышных париках и красных мантиях.

При первом взгляде на сестёр, Колючка не могла скрыть своего торжества. Но тут же она потупилась и произнесла жалобно:

– Сестрицы, что плохого я вам сделала, за что вы хотели погубить меня?

– Мы хотели погубить тебя?! – вскричала Роза. – Ведь это ты заманила нас в ловушку, в эту страшную яму. Царевич, верь нам, та, которая сидит рядом с тобой вовсе не Лилия, а Колючка.

Колючка потупила взор:

– Как я говорила, так и случилось. Они клеветают на меня. – Кто же из вас Лилия? – спросил царевич насмешливо. – Что-то я не узнаю своей невесты.

– Я, – тихо сказала Лилия.

– Она достойна смерти, – в гневе произнёс царевич.

Сёстры застыли в ужасе.

– Что я сделала, царевич, – заплакала Лилия.

– Ты всего-навсего хотела погубить мою невесту, Лилию, и занять её место.

– Позволь нам, царевич, рассказать обо всём, что с нами случилось, – стала умолять Мальва.

– Я знаю всё, что вы хотите мне рассказать, – царевич встал с трона и в гневе сжал эфес своей шпаги, – вы надеялись, что Лилия погибнет, и вам можно будет безнаказанно лгать, но она жива и сама свидетельствует против вас.

Но тут вступила в разговор царица, её не оставляли тревога, у мудрой царицы многое вызывало сомнение.

– Вы можете рассказать всё, что хотите, – сказала она сёстрам и милостиво кивнула им.

Сёстры рассказали всю правду о том, как Колючка заманила их в лес, как подвела к глубокой яме, в которую они упали, Но эта правда теперь выглядела хитро придуманной ложью. Колючка ловко исполняла свой план.

– Как же вы выбрались из ямы? – спросила сестёр царица.

– Я знаю, что они сейчас скажут! – воскликнула Колючка. – Ведь они и об этом договорились. Сейчас вы услышите историю о том, как один старичок бросил им лестницу в яму и вывел их из лесу, а потом исчез.

– Так и было, – растеряно произнесла Лилия.

– Ничего нового придумать не успели, – торжествующе произнесла Колючка.

Ещё бы Колючке не знать, как сестры выбрались из ямы. Ведь этим сгорбленным старичком была она сама. Да-да это она, переодевшись в старика, пришла поздно вечером к яме и помогла сёстрам выбраться. Вы спросите, зачем ей это стало нужно? Это было частью её низкого плана. Она заставила своих сестёр свидетельствовать против самих себя. И потом, какое торжество пережила завистливая Колючка, видя своих сестёр поруганными и несчастными.

Царевич Симеон обратился к судьям и спросил:

– Виновны ли четыре сестры?

– Виновны, – ответил главный царский судья. – Мы были в Кукушкином лесу, видели обрывки окровавленных верёвок, которыми была привязана Лилия к скале. И вот ещё что мы там нашли, – судья высоко поднял неувядающий цветок розы – Только четыре девушки на свете имеют такие неувядающие цветы, и одна из них – Роза.

Вы, наверное помните, что цветок розы Колючка специально бросила возле старой скалы.

– Но она выманила у нас эти цветы! – воскликнула Мальва.

Царевич Симеон ничего больше не хотел слушать.

– Какого наказания они достойны? – вновь спросил он у судей.

– Смертной казни, – сказал главный судья.

– Достойны, – подтвердил царевич Симеон, – уведите их.

– Сестрицы, ещё не всё потеряно, – прошептала Лилия своим сёстрам.

Она обратилась к судьям:

– Можем ли мы попросить исполнить наше последнее желание, – спросила Лилия у судей.

– Мы не можем отказать вам в этом, – ответили судьи.

– Пусть наша матушка приколет лилию, розу, мальву и фиалку к нашим платьям, и вы увидите, что мы говорим истинную правду, вы увидите, что цветок лилии не увянет на моей груди, что я и есть Лилия. И потом, только наша матушка может различать нас. Позовите нашу матушку, – попросила Лилия.

– Но ваша матушка умерла, когда узнала, что сотворили её дочери, – ответили судьи, – она не выдержала такого позора. – И она признала Лилию Лилией, – судья торжественно указал на Колючку.

Сёстры поникли от горя. Теперь у них не оставалось никакой надежды.

На рассвете сестёр повезли к месту казни. Их одели в жалкие рубища, сковали руки цепями. Огромная толпа собралась на площади. Царевич Симеон, Колючка и царица-мать заняли свои места у лобного места. Таковы были обычаи того времени. На казнь, как и на торжество, собирались все жители столицы. Палач уже был готов исполнить свою работу.

Четыре сестры взошли на лобное место. Их лица сияли красотой и ангельской кротостью. Толпа, которая вчера оплёвывала их и покрывала бранью, прониклась состраданием к дочерям благочестивой Анны. И вот когда палач уже достал своё страшное орудие, случилось чудо. Прямо с небес слетели четыре белых голубки, они опустились на плечи девушек и нежно заворковали. И в тот же миг на грубых рубищах сестёр расцвели чудесные цветы: на груди Лилии – лилия, Розы – роза, Мальвы – мальва, Фиалки – фиалка. Толпа ахнула как один человек и застыла.

В полной тишине над площадью вдруг раздалось резкое карканье. Огромная чёрная ворона покружила над площадью и уселась на голову Колючки. Все взоры устремились на неё. И каждый увидел, как фальшивая лилия на её груди превратилась в сухую колючку. Царевич Симеон в ужасе отшатнулся.

И тут случилось ещё одно чудо. С безоблачного неба на Колючку хлынул поток дождя. Это все слёзы матушки Анны, которые она проливала о своей младшей дочери, превратившись в дождь, упали на неё с неба. Как только чудесные струи омыли её – острая боль пронзила грудь Колючки и она упала без чувств. Давняя заноза, засевшая в сердце своенравной девчонки в тот день, когда она прикалывала к своему платью колючку, заноза сделавшая её злой и коварной, вышла из сердца а вместе с ней злоба, ненависть и зависть.

Когда Колючка открыла глаза и вспомнила всё, что было ею сделано, она залилась горькими слезами. Чувство вины и раскаяние жгли её сердце:

– Я хотела погубить своих сестёр, – захлёбывалась слезами Колючка, – я заманила их в лес и подтолкнула их к яме. Я назвала себя Лилией и желала смерти своим сёстрам. Я заставила молчать матушку и своими поступками довела её до могилы. Я достойна смерти. Это я сейчас должна быть на месте своих сестёр.

Колючка встала и, шатаясь, вошла на лобное место. Посреди гробового молчания она опустила свою голову под топор палача.

Четыре сестры бросились к ней.

– Остановись, сестрица! – воскликнула Лилия, – твои слёзы – это спасение. Ты больше не будешь Колючкой.

И тут к сёстрам подлетела пятая голубка, она несла в клюве цветок Ромашки. Лилия протянула вверх руки, и ромашка упала в её ладони.

– Это от нашей матушки, – воскликнула Лилия со слезами.

Она нежно поцеловала ромашку и приколола её к груди Колючки.

– Отныне имя тебе будет Ромашка – произнесла она. И Колючка вновь горько разрыдалась.

Тем временем царица приказала всем разойтись, а сестёр немедленно увезти во дворец. Так завершились их ужасные мучения.

Надо ли говорить, что царевич Симеон и Лилия обвенчались, как только закончился траур по матушке Анне. Для Лилии лучшие портные, по заказу Симеона, изготовили свадебный наряд из ста тысяч лепестков белых лилий. Ни один лепесток её платья не увял, пока шли свадебные торжества.

Во всём царстве не было супругов счастливее и прекраснее Симеона и Лилии.

В день памяти матушки сёстры посадили на её могиле каждая по своему цветку: лилию, розу, мальву, фиалку и ромашку. Все цветы быстро росли и пышно цвели, кроме ромашки. Она стояла чахлая, вялая, без единого цветка. Та, которая носила теперь имя Ромашка, видя это, мучилась тяжкой виной. От этого рана, оставшаяся после выхода занозы, не переставая, кровоточила и день, и ночь.

Однажды вечером она пришла к сёстрам и сказала:

– Я не могу больше здесь оставаться. Мне больно и стыдно, вина за смерть матушки терзает моё сердце и не даёт мне покоя. Завтра я уйду из дворца. Не ищите меня, может быть, я когда-нибудь вернусь к вам. Когда-нибудь, когда искуплю вину, и рана перестанет кровоточить, когда я стану достойной вас и памяти матушки.

Как ни уговаривали её сестры, она твердила одно:

– Мне надо уйти, я не могу смотреть вам в глаза, я не могу жить в этих стенах, ходить на могилу матери – всё напоминает здесь о моих злодеяниях. Не удерживайте меня, сестрицы. Позвольте мне уйти.

И все-таки Ромашке пришлось еще раз обмануть своих сестёр. Она пообещала им, что утром придет проститься с ними. Но, побоявшись, что сёстры вновь начнут уговаривать её остаться, и она не сможет устоять перед их просьбами, Ромашка решила не прощаться. На рассвете, в простом платье, с маленьким узелком в руках, никем не замеченная, она вышла из

дворца, и направилась на рыночную площадь. Там она смешалась с толпой странников и вместе с ними покинула город.